

ЦЕННОСТНЫЕ И «РЕАЛЬНЫЕ» СУЖДЕНИЯ

Эмиль Дюркгейм

Предлагая данную тему для обсуждения на Конгрессе, я поставил перед собой двойную цель: во-первых, показать на отдельном примере, как социология может способствовать решению философской проблемы, во-вторых, рассеять некоторые предрассудки, объектом которых часто бывает так называемая позитивная социология.

Когда мы говорим, что тела обладают весом, что объем газа изменяется обратно пропорционально испытываемому им давлению, мы формулируем суждения, которые лишь выражают данные факты. В них выражено то, что есть, и по этой причине их называют «экзистенциальными» или «реальными» суждениями.

Цель других суждений — высказать не то, чем вещи являются сами по себе, но то, какую ценность они представляют по отношению к сознательному субъекту, назвать ту цену, которую последний им назначает. Их называют ценностными суждениями. Иногда это обозначение распространяют на любое суждение, выражающее какую бы то ни было оценку. Но такое широкое толкование может вызвать путаницу, которой необходимо избежать.

Когда я говорю: *я люблю охоту, я предпочитаю пиво вину, активную жизнь — отдыху и т. д.*, — я высказываю суждения, которые могут показаться оценками, но в действительности являются простыми «реальными» суждениями. Они говорят исключительно о том, каким образом мы ведем себя в отношении определенных объектов: что мы любим такие-то и предпочитаем другие. Эти предпочтения являются фактами точно так же, как вес тел или эластичность газов. Функция подобных суждений, таким образом, состоит не в том, чтобы приписывать вещам присущую им ценность, а только в обозначении определенных состояний субъекта. Поэтому выраженные таким образом предпочтения не поддаются передаче. Те, кто их испытывает, вполне могут сказать, что они их испытывают или, по крайней мере, что они верят в это; но они не могут передать их другому. Они связаны с определенными личностями и не могут быть от них отделены.

Совершенно иначе обстоит дело, когда я говорю: этот человек *имеет* высокую нравственную ценность; эта картина *имеет* высокую эстетическую ценность; эта драгоценность *стоит* столько-то. Во всех подобных случаях я приписываю людям или вещам, о которых идет речь, объективно существующее свойство, совершенно независимое от того, как я воспринимаю его в то время, когда высказываюсь. Лично я могу не назначать никакой цены за драгоценности, тем не менее их ценность останется в рассматриваемый момент той же самой. Как человек я могу отличаться весьма сомнительными нравственными качествами, но это не может помешать мне признавать нравственную ценность там, где она есть. По своему темпераменту я могу быть равнодушен к радостям, доставляемым искусством, но это не значит, что я должен отрицать существование эстетических ценностей. Таким образом, все эти ценности существуют, в некотором смысле, вне меня. Поэтому, когда мы расходимся с другим относительно способа их восприятия и оценки, мы стараемся передать ему наши убеждения. Мы не довольствуемся их высказыванием, а стремимся доказать их, опираясь в наших высказываниях на доводы безличного характера. Следовательно, мы допускаем, что эти суждения соответствуют какой-то объективной реальности, на которой может и должно основываться согласие. Именно такую реальность *suī generis* образуют ценности, а ценностные суждения суть те, которые относятся к этой реальности. Мы хотели бы выяснить, как возможны суждения такого рода. Постановка вопроса видна из предшествующего изложения. С одной стороны, всякая ценность предполагает оценку, осуществляемую субъектом в тесной связи с определенным состоянием чувств. То, что имеет ценность — хорошо в каком-то отношении; что хорошо — желаемо; всякое желание есть внутреннее состояние. И все же ценностям, о которых только что шла речь, присуща та же объективность, что и вещам. Как же эти два свойства, представляющиеся на первый взгляд противоречивыми, могут совмещаться? Как состояние чувства может не зависеть от испытывающего это чувство субъекта?

Было предложено два противоречивых решения этой проблемы.

I

Многим мыслителям, представляющим, впрочем, весьма разные направления, различие между этими двумя видами суждений кажется чисто внешним. Говорят, что ценность зависит главным образом от какой-нибудь внутренней особенности вещи, которой она приписывается, а ценностное суждение — лишь выражение того, как эта особенность воздействует на формулирующего суждение субъекта. Если это воздействие благоприятно, ценность является положительной; в противном случае она отрицательна. Если жизнь человека имеет ценность, то это потому, что человек — живое существо, а в природе живого содержится стремление жить. Если хлеб обладает ценностью, то потому, что он служит продуктом питания и способствует поддержанию жизни. Справедливость — это добродетель, так как она соответствует жизненным потребностям; убийство же есть

преступление по причине противоположного свойства. В общем ценность вещи выступает как простая констатация впечатлений, производимых вещью в силу ее внутренних свойств.

Но кто же тот субъект, по отношению к которому ценность вещей подвергается и должна подвергаться оценке? Может быть, это индивид? Как объяснить тогда, что может существовать система объективных ценностей, признанных всеми людьми или, по крайней мере, всеми людьми одной и той же цивилизации? С отмеченной точки зрения ценность создается воздействием вещи на чувства; известно, однако, насколько велико индивидуальное разнообразие в чувствах. То, что нравится одним, вызывает отвращение у других. Даже само желание жить испытывают не все, поскольку существуют люди, лишаящие себя жизни либо из отвращения к ней, либо из чувства долга. А какие расхождения в понимании жизни! Один стремится сделать ее напряженной, другой находит наслаждение в том, чтобы сделать ее размеренной и проще. Это возражение слишком часто выдвигалось против утилитаристской этики, чтобы была надобность здесь его развивать. Заметим лишь, что оно в такой же мере применимо ко всякой теории, стремящейся объяснить чисто психологическими причинами экономические, эстетические или метафизические ценности. Могут сказать, что имеется средний тип, который обнаруживается у большинства индивидов, и объективная оценка вещей выражает способ, которым они воздействуют на среднего индивида. Но существует огромная разница между тем, как в действительности оцениваются ценности обыкновенным индивидом, и той объективной шкалой человеческих ценностей, на которой в принципе должны основываться наши суждения. Среднее нравственное сознание есть нечто посредственное; оно слабо ощущает даже заурядные обязанности и, следовательно, соответствующие нравственные ценности; среди них существуют даже такие, в отношении которых оно поражено чем-то вроде слепоты. Поэтому оно не может обеспечить нас эталоном нравственности. Тем более так обстоит дело с эстетическими ценностями, которые представляют собой нечто безжизненное для очень многих людей. Что касается экономических ценностей, то в некоторых случаях, вероятно, дистанция менее значительна. И все же, очевидно, отнюдь не воздействие физических свойств бриллианта или жемчуга на большинство наших современников определяет их теперешнюю ценность.

Существует, к тому же, и другая причина, не позволяющая смешивать объективную и среднюю оценки: дело в том, что реакции среднего индивида остаются индивидуальными реакциями. Какое-то состояние чувств не становится объективным из-за того, что оно встречается у значительного числа субъектов. Из того, что многие из нас одинаково оценивают вещь, не следует, что эта оценка навязана нам какой-то внешней реальностью. Это единодушие может быть вызвано чисто субъективными причинами, в частности, определенной однородностью индивидуальных характеров. Между двумя предложениями: «Я люблю это» и «Мы в таком-то количестве любим это» нет существенного различия.

Этих трудностей пытались избежать, заменив индивида обществом. Так же как и в предыдущем утверждении, доказывают, что ценность связана главным образом с каким-то составным элементом вещи. Но ценность при этом создается тем, как вещь влияет на коллективного, а не на индивидуального субъекта. Оценка объективна уже благодаря тому, что она коллективна.

Это объяснение имеет перед предыдущим бесспорные преимущества. Действительно, социальное суждение объективно по отношению к индивидуальным суждениям; шкала ценностей оказывается таким образом свободной от субъективных и изменчивых оценок индивидов. Последние находят вне себя уже устоявшуюся классификацию, к которой они вынуждены приспосабливаться, которая не является их собственным творением и выражает нечто иное, нежели их личные чувства. Ведь общественное мнение изначально располагает нравственным авторитетом, благодаря которому оно навязывается отдельным лицам. Оно противостоит попыткам выступить против него; оно реагирует на инакомыслящих точно так же, как внешний мир чувствительно воздействует на тех, кто пытается восстать против него. Оно порицает тех, кто судит о нравственных вещах согласно принципам, отличным от предписываемых им; оно высмеивает тех, кто вдохновляется эстетикой, отличной от его собственной. Кто пытается приобрести вещь за цену, более низкую, чем ее ценность, тот сталкивается с сопротивлением, подобным тому, которое оказывают нам физические тела, когда мы не знакомы с их природой. Таким образом можно объяснить нечто вроде принуждения, которое мы испытываем и осознаем, когда высказываем ценностные суждения. Мы явственно ощущаем, что не являемся хозяевами наших оценок, что мы связаны и принуждаемы. Нас связывает общественное сознание. Правда, этот аспект ценностных суждений — не единственный; существует и другой, почти противоположный первому. Те же самые ценности, которые некоторыми сторонами производят на нас впечатление навязываемой реальности, в то же время представляются нам желаемыми вещами, которые мы искренне любим и к которым стремимся. Но именно общество, будучи законодателем, которому мы обязаны оказывать уважение, в то же время является творцом и хранителем всех благ цивилизации, к которым мы привязаны всеми силами нашей души. Оно не только повелевает, оно несет добро и милосердие. Все, что увеличивает его жизненную силу, увеличивает и нашу. Поэтому неудивительно, что ?ды дорожим всем тем, чем дорожит оно.

Но понимаемая таким образом социологическая теория ценностей порождает в свою очередь серьезные трудности, которые, впрочем, характерны не только для нее; они могут быть связаны и с психологической теорией, о которой шла речь ранее.

Существуют различные типы ценностей. Одно дело — экономическая ценность, другое — ценности нравственные, религиозные, эстетические, метафизические. Столь часто предпринимавшиеся попытки свести друг к другу идеи добра, прекрасного, истинного и полезного всегда оставались напрасными. Ведь если ценность создается исключительно тем, как вещи затрагивают функционирование социальной жизни, то разнообразие ценностей становится труднообъяснимым. Если повсюду действует одна и та же причина, то откуда берутся совершенно различные следствия?

С другой стороны, если бы ценность вещей действительно измерялась степенью их социальной (или индивидуальной) полезности, то система человеческих ценностей должна была бы быть подвергнута пересмотру и полному разрушению, так как с этой точки зрения место, отводимое в данной системе ценностям роскоши, было бы непонятно и неоправданно. По определению, избыточное не полезно или менее полезно, чем необходимое. То, что излишне, может отсутствовать, не затрагивая серьезно жизненных функций. Словом, ценности роскоши являются дорогостоящими по природе; они стоят больше, чем приносят пользы. Поэтому встречаются доктринеры, которые смотрят на них с подозрением и стремятся свести их к точно отмеренному минимуму. Но в действительности в глазах людей они имеют самую высокую цену. Все искусство целиком есть предмет роскоши; эстетическая деятельность не подчиняется никакой утилитарной цели: она осуществляется просто из наслаждения, доставляемого ее осуществлением. Точно так же чистая метафизика — это мышление, освобожденное от всякой утилитарной цели, осуществляемое исключительно для того, чтобы осуществляться. Кто, однако, сможет оспорить, что во все времена человечество ставило художественные и метафизические ценности гораздо выше ценностей экономических? Точно так же, как и интеллектуальная жизнь, нравственная жизнь обладает своей собственной эстетикой. Самые высокие добродетели состоят не в регулярном и строгом выполнении действий, непосредственно необходимых для хорошего социального порядка, они созданы из действий свободных и самопроизвольных, из жертв, к которым ничто не принуждает и которые иногда даже противоположны предписаниям мудрой упорядоченности. Существуют добродетели, являющиеся безумствами, и именно их безумие придает им величие. Спенсер сумел доказать, что филантропия часто противоречит совершенно очевидному интересу общества, но его доказательство не помешает людям очень высоко оценивать осуждаемую им добродетель. Даже сама экономическая жизнь не подчиняется целиком экономическому регулированию. Если к предметам роскоши относятся наиболее дорогостоящие, то это не только потому, что в общем они наиболее редкие, но также и потому, что они самые высокоценные. Жизнь, как ее понимали люди всех времен, состоит не просто в точном установлении бюджета индивидуального или социального организма, в реагировании с наименьшими затратами на внешние раздражители, в пропорциональном соотношении затрат и восстановления сил. Жить — значит прежде всего действовать, действовать не считая, ради удовольствия действовать. И если, очевидно, мы не можем обойтись без экономии, если надо накопить, чтобы иметь возможность тратить, то все же целью является трата, а трата — это деятельность.

Пойдем, однако, далее, вплоть до основополагающего принципа, на котором базируются все эти теории. Все они исходят из предположения, что ценность содержится в вещах и выражает их сущность. Но этот постулат противоречит фактам. Имеется множество случаев, когда, так сказать, не существует никакой связи между свойствами объекта и приписываемой ему ценностью.

Идол — вещь весьма святая, а святость есть самая возвышенная ценность, какую только признавали когда-либо люди. Но очень часто идол — это лишь груда камней или кусок дерева, сами по себе лишенные какой бы то ни было ценности. Нет такого существа, даже самого незначительного, нет такого объекта, даже самого заурядного, которые бы в определенный момент истории не внушали чувств, основанных на религиозном почитании. Обожествляли даже самых бесполезных или самых безвредных животных, почти лишенных каких-либо добродетелей. Ходячее представление, что вещами, которым адресовался культ, всегда были вещи, наиболее поражающие воображение людей, опровергается историей. Поэтому несравненная ценность, которая им приписывалась, не была связана с их внутренними особенностями. Не существует сколько-нибудь живой веры, даже самой мирской, которая бы не имела своих фетишей, поражающих этим же несоответствием. Знамя — это лишь кусок ткани, однако солдат дает убит себя ради спасения своего знамени. Нравственная жизнь не менее богата контрастами такого рода. С точки зрения анатомической, физиологической и психологической различия между человеком и животным носят лишь количественный характер; и тем не менее человеку свойственно величайшее нравственное достоинство, у животного же его нет совсем. Стало быть, в отношении ценностей между ними пропасть. Люди неравны как в физической силе, так и в талантах, и тем не менее мы стремимся признавать за ними всеми одинаковую нравственную ценность. Конечно, нравственный эгалитаризм — это идеальный предел, который никогда не будет достигнут, но мы все более приближаемся к нему. Почтовая марка представляет собой лишь крошечный бумажный квадратик, чаще всего лишенный всяких эстетических достоинств; тем не менее ее ценность может равняться целому состоянию. Очевидно, не внутренняя сущность жемчуга или бриллианта, мехов или кружев обуславливает тот факт, что ценность этих различных украшений изменяется благодаря капризам моды.

II

Если, однако, ценность не содержится в вещах, если она не связана главным образом с какой-либо особенностью эмпирической реальности, то не следует ли отсюда, что ее источник находится вне данного нам в восприятии и вне опыта? Таково в действительности утверждение, более или менее явно отстаиваемое целой династией мыслителей, учение которых через Ричля восходит к кантовскому морализму. Человеку приписывают способность *sui generis* выходить за рамки опыта, представлять себе нечто иное, чем то, что существует, словом, выдвигать идеалы. Эту способность к созданию такого рода представлений в одних случаях изображают в более интеллектуалистской, в других — в более чувственной форме, но всегда как совершенно отличную от той способности, которую приводит в действие наука. Имеется, стало быть, один способ мыслить реальное и другой, весьма отличный от него, — мыслить идеальное. И именно по отношению к идеалам, понимаемым таким образом, оценивается ценность вещей. Говорят, что они обладают ценностью, когда каким-либо образом выражают, отражают какой-то аспект идеального и что они имеют больше или меньше ценности соответственно воплощаемому ими идеалу и тем его сторонам, которые в них заключены.

Таким образом, в то время как в предыдущих теориях ценностные суждения представлялись нам как иная форма «реальных» суждений, здесь разнородность тех и других представляется радикальной: объекты, к которым они относятся, различны так же, как и предполагаемые ими способности. Поэтому возражения, выдвинутые нами против первого объяснения, неприменимы к последнему. Легко понять, что ценность в определенной мере независима от природы вещей, если она зависит от причин, внешних по отношению к последним. Одновременно легко становится обосновать привилегированное место, всегда отводившееся ценностям роскоши. Причина в том, что идеальное не находится в услужении у реального, оно существует для себя самого; поэтому интересы реальности не могут быть его мерой.

Однако ценность, приписываемая таким образом идеалу, сама по себе не объясняется. Ее постулируют, но не объясняют и не могут объяснить. Да и как в самом деле это было бы возможно? Если идеальное не зависит от реального, оно не может содержать в реальном причины и условия, делающие его доступным пониманию. Но вне реального где можно найти материал, необходимый для какого бы то ни было объяснения? В сущности, есть нечто глубоко эмпирическое в идеализме, понимаемом таким образом. Не вызывает сомнений тот факт, что люди любят красоту, добро, истину, которые никогда адекватным образом не осуществляются в реальных фактах. Но само это лишь факт, безосновательно возводимый в нечто абсолютное, ступать за пределы которого себе запрещают. Надо еще показать, откуда берется то, что у нас есть одновременно потребность и средство возвышаться над реальным, добавлять к чувственному миру иной мир, в котором лучшие из нас видят свою настоящую родину.

На последний вопрос подобие ответа дает теологическая гипотеза. Предполагается, что мир идеалов реален, что он существует объективно, но сверхопытным существованием, и что эмпирическая реальность, часть которой мы составляем, от него происходит и от него зависит. Мы, стало быть, связаны с идеалом как с самим источником нашего бытия. Но помимо известных нам трудностей, порождаемых этой концепцией, когда гипостазии таким образом идеал, его тем самым делают неподвижным и лишают себя всякой возможности объяснить его бесконечное разнообразие. Мы знаем теперь, что идеал не только изменяется вместе с различными человеческими группами, но и должен изменяться. Наш идеал отличается и должен отличаться от идеала римлян; параллельно этому изменилась и шкала ценностей. Эти изменения не являются результатом человеческого безрассудства: они основаны на природе вещей. Как объяснить их, если идеал выражает одну и ту же неизменную реальность? Следовало бы тогда допустить, что и сам Бог варьирует как в пространстве, так и во времени; и чем могло бы быть вызвано это удивительное разнообразие? Божественное становление было бы понятным, если бы сам Бог имел задачу осуществить идеал, который выше его, и проблема в таком случае была бы лишь передвинута.

Впрочем, по какому праву идеал помещают вне природы и науки? Проявляется он именно в природе; стало быть, он обязательно должен зависеть от естественных причин. Для того чтобы он был чем-то иным, нежели простая умозрительная возможность, он должен быть желаемым и, следовательно, обладать силой, способной привести в движение наши воли. Только они могут сделать из него живую реальность. Но поскольку эта сила в конечном счете выражается в мускульных движениях, она не может существенно отличаться от других сил вселенной. Почему же нельзя ее анализировать, разлагать на элементы, выявлять причины, определившие синтез, результирующей которого она является? Встречаются даже случаи, когда возможно ее измерить. Каждая человеческая группа в каждый момент своей истории обладает в отношении человеческого достоинства чувством уважения определенной интенсивности. Именно такое чувство, варьирующее согласно народам и эпохам, находится у истоков нравственного идеала современных обществ. Поэтому число преступных посягательств против личности зависит от степени его интенсивности. Точно так же число адюльтеров, разводов, раздельного проживания супругов выражает относительную силу, с которой идеал супружества навязывается отдельным сознаниям. Конечно, такие методы измерения являются грубыми, но существуют ли физические силы, которые могли бы быть измерены иначе, чем грубо, приблизительно? В этом отношении

физические силы и социальные различаются лишь степенью.

Существует, однако, особая категория ценностей, которые не могут быть оторваны от опыта, не потеряв всякий смысл; это экономические ценности. Всем ясно, что они не выражают ничего потустороннего и не связаны ни с какой сверхопытной способностью. Правда, по этой причине Кант отказывается видеть в них подлинные ценности: он стремится сохранить это качество только за нравственными явлениями¹.

¹ Он утверждает, что экономические явления имеют цену (*einen Preis, einen Marktpreis*), а не внутреннюю ценность (*einen inneren Werth*). См. издание Hartenstein, т. VII, с. 270-271 и 614.

Но подобное ограничение необосновано. Конечно, существуют различные типы ценностей, но это разновидности одного и того же рода. Все они соответствуют оценке вещей, хотя она может осуществляться в тех или иных случаях с различных точек зрения. Прогресс современной теории ценности связан как раз с установлением всеобщности и единства этого понятия. Но в таком случае, если все виды ценностей родственны друг другу, а некоторые из них столь глубоко укоренены в нашей эмпирической действительности, то и другие не могут не зависеть от нее.

III

Короче говоря, хотя и верно, что ценность вещей может оцениваться и всегда оценивалась только по отношению к некоторым идеальным понятиям, последние нуждаются в объяснении. Чтобы понять, как возможны ценностные суждения, недостаточно постулировать определенные идеалы, надо объяснить их, надо показать, откуда они проистекают, как они соединяются с опытом и в чем состоит их объективность.

Поскольку они, так же как и системы соответствующих ценностей, варьируют вместе с человеческими группами, то не следует ли отсюда, что и те, и другие должны иметь коллективное происхождение? Правда, мы представили ранее социологическую теорию ценностей, показав ее недостаточность. Но дело в том, что она основана на концепции социальной жизни, игнорирующей ее истинную природу. Общество представлено в ней как система органов и функций, стремящаяся к самосохранению в борьбе против деструктивных сил, осаждающих ее извне, подобно живому телу, вся жизнь которого состоит в соответствующих реакциях на раздражения, идущие от внешней среды. Но кроме этого, оно в действительности есть средоточие внутренней нравственной жизни, своеобразия и мощь которой не всегда признавалась.

Когда индивидуальные сознания не остаются отделенными друг от друга, а вступают в тесные взаимоотношения, активно воздействуют друг на друга, из их синтеза рождается психическая жизнь нового рода. Она отличается от той жизни, которую ведет одинокий индивид, прежде всего своей особенной интенсивностью. Чувства, рождающиеся и развивающиеся в группах, обладают энергией, которой не достигают чисто индивидуальные чувства. У человека, испытывающего их, возникает впечатление, что он находится во власти сил, которые ему не принадлежат, управляют им, и вся среда, в которую он погружен, представляется ему населенной силами подобного рода. Он чувствует себя как бы перенесенным в мир, отличный от того, в котором протекает его частная жизнь. Существование в нем не только более интенсивно, оно отличается качественно. Увлекаемый группой, индивид забывает о себе, о своих собственных интересах, целиком отдаваясь общим целям. Полнос его поведения смещается и переносится вовне его самого. В то же время возникающие таким образом силы, именно потому, что они носят теоретический характер, нелегко поддаются манипулированию, приспособлению к строго определенным целям. Они нуждаются в распространении ради распространения, без пользы и без цели, проявляясь то в деструктивном и глупом насилии, то в героическом безрассудстве. Это деятельность в каком-то смысле чрезмерная, весьма избыточная. По всем этим причинам она противостоит нашему повседневному существованию как высшее противостоит низшему, идеал — реальности.

Именно в моменты эмоционального возбуждения такого рода во все времена создавались великие идеалы, на которых базируются цивилизации. Творческие или новаторские периоды — это именно те, в которые под влиянием разнообразных обстоятельств люди приходят к более тесному сближению, когда собрания становятся более частыми, отношения — более длительными, обмен идеями — более активным. К таким периодам относятся: великий христианский кризис; движение коллективного энтузиазма, толкавшее в XII-XIII вв. в

Париж любознательных европейцев и породившее схоластику; Реформация и Возрождение; революционная эпоха; великие социалистические потрясения XIX в. Действительно, в такие моменты эта более высокая жизнь проживается с такой интенсивностью и настолько необычно, что она занимает почти все место в сознаниях, более или менее основательно вытесняя из них эгоистические и повседневные заботы. Идеальное тогда стремится слиться в одно целое с реальным; вот почему у людей возникает впечатление, что совсем близки времена, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божие осуществится на этой земле. Но иллюзия никогда не бывает продолжительной, потому что сама эта экзальтация не может длиться долго: она слишком утомительна. Как только критический момент проходит, течение социальной жизни ослабевает, интеллектуальные и эмоциональные контакты становятся менее активными, индивиды вновь возвращаются к уровню своей обыденной жизни. Тогда все, что было сказано, сделано, продумано, прочувствовано в период

плодотворной бури, сохраняется уже лишь в форме воспоминания, хотя и обладающего тем же несомненным очарованием, что и напоминаемая реальность, но уже не смешанного с ней. Это уже только идея, совокупность идей. На сей раз противоположность оказывается явной. Существует, с одной стороны, то, что дано в ощущениях и восприятиях, с другой — то, что мыслится в форме идеалов. Конечно, эти идеалы быстро бы угасли, если бы они периодически не оживлялись. Вот для чего служат праздники, публичные церемонии, как религиозные, так и светские, всякого рода проповеди, как в церкви, так и в школе, драматические представления, художественно оформленные манифестации — словом, все, что помогает сближать людей и совместно участвовать в единой интеллектуальной и нравственной жизни. Это как бы частичное и слабое возрождение эмоционального возбуждения творческих эпох. Но все эти средства сами по себе оказывают непродолжительное воздействие. Со временем идеальное вновь приобретает свежесть и жизненную актуальность, оно вновь приближается к реальному, но вскоре опять отдаляется от него.

Если же человек восприимчив к идеалам, если он не может даже обойтись без того, чтобы представлять их себе и следовать им, то это потому, что он — существо социальное. Именно общество толкает или обязывает его к тому, чтобы возвыситься таким образом над самим собой; оно же обеспечивает ему средства для этого. Уже тем самым, что оно осознает себя, оно отбирает индивида у него самого и увлекает его в высшую сферу. Оно не может формироваться, не создавая идеала. Идеалы же — это просто идеи, в которых изображается и обобщается социальная жизнь в том виде, как она существует в кульминационных пунктах своего развития. Общество принижает, когда видит в нем лишь тело, созданное для осуществления определенных жизненных функций. В этом теле живет душа: это совокупность коллективных идеалов. Но идеалы эти — не абстракции, не холодные умственные представления, лишённые всякой действительности. Это главным образом двигатели, так как за ними существуют реальные и действующие силы. Это силы коллективные, естественные, следовательно, они, хотя и являются целиком нравственными, близки тем, которые действуют в остальной части вселенной. Сам идеал есть сила такого рода; следовательно, о нем может быть создана наука. Вот как получается, что идеальное может соединиться с реальным: оно исходит из последнего, в то же время выходя за его пределы. Элементы, из которых оно создано, заимствованы у реальности, но скомбинированы по-новому. Новизна комбинации создает новизну результата. Будучи предоставлен самому себе, индивид никогда не мог бы извлечь из себя материалы, необходимые для подобной конструкции. Как бы он мог, располагая только своими силами, обрести знание и энергию, необходимые для того, чтобы возвыситься над самим собой? Его личный опыт вполне позволяет ему различать цели будущие и желаемые и цели, уже осуществленные. Но идеал — это не только нечто недостающее и желаемое. Это не просто будущее, к которому стремятся. Он своеобразен и обладает собственной реальностью. Он воспринимается как безличный, парящий над отдельными волями, которые он приводит в движение. Если бы он был продуктом индивидуального разума, то откуда бы могла у него появиться эта безличность? Может быть, из безличного характера человеческого разума? Но это значило бы лишь отодвинуть проблему, а не решить ее. Ведь эта безличность сама по себе — факт, почти не отличимый от первого и нуждающийся в объяснении. Не потому ли разумы сливаются до такой степени, что они происходят из одного и того же источника, из общего разума?

Таким образом, чтобы объяснить ценностные суждения, нет необходимости ни сводить их к «реальным» суждениям, отбрасывая понятие ценности, ни относить их к неизвестно какой способности, посредством которой человек вступает в отношения с трансцендентным миром. Ценность, конечно, проистекает из связи вещей с различными аспектами идеала, но идеал — это не воспарение к таинственным потусторонним сферам, он заключен в природе и происходит из нее. Ясное и четкое мышление властно над ним так же, как и над остальной частью физической или нравственной вселенной. Разумеется, оно никогда не сможет исчерпать его, так же как оно не исчерпывает никакую реальность, но оно может применяться к нему в надежде постепенно овладеть им, хотя и невозможно заранее установить никакого предела бесконечному развитию идеального. Эта точка зрения позволяет нам лучше понять, как ценность вещей может не зависеть от их природы. Коллективные идеалы могут формироваться и осознавать самих себя только при условии, что они фиксируются в вещах, которые можно всем увидеть, всем понять, всем представить, например, в рисованных изображениях, всякого рода эмблемах, писанных или произносимых формулах, одушевленных или неодушевленных существах. И, несомненно, случается, что благодаря некоторым своим свойствам эти объекты обладают чем-то вроде привязанности к идеалу и естественным образом притягивают его к себе. Именно тогда внутренние черты вещи могут казаться (впрочем, ошибочно) порождающей причиной ценности. Но идеал может внедряться в любую вещь: он располагается, где хочет. Всякого рода случайные обстоятельства определяют способ его фиксации. Тогда та или иная вещь, как бы заурядна она ни была, оказывается выше всех. Вот почему старый кусок ткани может окружаться ореолом святости, а крошечный кусочек бумаги становится очень ценной вещью. Два существа могут быть весьма различными и неравными во многих отношениях; если же они воплощают один и тот же идеал, они кажутся как бы одинаковыми, так как символизируемый ими идеал тогда выступает как наиболее существенное в них, отбрасывая на второй план все те их стороны, которыми они друг от друга отличаются. Таким образом, коллективное мышление преобразует все, чего оно касается. Оно перемешивает сферы реальности, соединяет противоположности, преворачивает то, что можно считать естественной

иерархией существ, нивелирует различия, дифференцирует подобию. Словом, оно заменяет мир, познаваемый нами с помощью органов чувств, совершенно иным миром, который есть не что иное, как тень, отбрасываемая создаваемыми коллективным мышлением идеалами.

IV

Как же понимать отношение ценностных суждений к «реальным» суждениям?

Из предыдущего следует, что между ними нет различий по существу. Ценностное суждение выражает связь вещи с идеалом. Но и идеал дан нам в качестве вещи, хотя и иным образом; он также своего рода реальность. Выражаемая связь, стало быть, соединяет два понятия точно так же, как в «реальном» суждении. Правда, можно сказать, что ценностные суждения опираются на идеалы. Но так же обстоит дело и с «реальными» суждениями. Ведь понятия — это также порождения духа, Следовательно, идеалов. И нетрудно будет доказать, что это также коллективные идеалы, поскольку они могут формулироваться только в языке и через язык, представляющий собой вещь в высшей степени коллективную. Элементы суждения, стало быть, одни и те же в обоих случаях. Тем не менее это не значит, что первое из этих суждений сводится ко второму или наоборот. Они подобны друг другу, так как являются результатом действия одной-единственной способности. Не существует одного способа мыслить и судить по поводу реального существования и другого способа — для оценки ценностей. Всякое суждение необходимо имеет основу в данных опыта; даже те суждения, что относятся к будущему, пользуются материалом либо из настоящего, либо из прошлого. С другой стороны, всякое суждение приводит в действие идеалы. Следовательно, существует и должна существовать только одна способность суждения.

Тем не менее различие, отмеченное нами мимоходом, имеет место. Хотя всякое суждение приводит в действие идеалы, последние относятся к различным видам. Существуют такие идеалы, назначение которых только выражать реальности, к которым они прилагаются, выражать их такими, каковы они суть. Это понятия в собственном смысле. Существуют и другие, функция которых, наоборот, состоит в том, чтобы преобразовать реальности, к которым они относятся. Это ценностные идеалы. В первом случае идеал служит символом для вещи, способствуя ее усвоению мышлением. Во втором, наоборот, вещь служит символом для идеала и дает возможность представить ее себе разным людям. Естественно, суждения различаются согласно используемым ими идеалам. Первые ограничиваются анализом реальности и как можно более верным ее выражением. Вторые, наоборот, содержат высказывание о новом аспекте реальности, которым она обогатилась под действием идеала. И, несомненно, последний аспект также реален, но в другом качестве и иначе, чем свойства, внутренне присущие объекту. Доказательством этого утверждения служит то, что одна и та же вещь может или утратить имеющуюся у нее ценность или приобрести иную ценность, не изменяя свою природу; достаточно того, чтобы изменился идеал. Ценностное суждение, стало быть, добавляет нечто к данному, в известном смысле, хотя то, что оно добавляет, взято у данного другого рода. Таким образом, способность суждения функционирует по-разному в зависимости от обстоятельств, но эти различия не нарушают фундаментального единства этой функции.

Позитивную социологию иногда упрекали в чем-то вроде эмпиристского фетишизма в отношении факта и в упорном безразличии к идеалу. Мы видим, насколько необоснован этот упрек. Основные социальные явления: религия, мораль, право, экономика, эстетика, — суть не что иное, как системы ценностей, следовательно, это идеалы. Социология, таким образом, изначально расположена в области идеала; она не приходит к нему постепенно, в результате своих исследований, а исходит из него. Идеал — это ее собственная сфера. Но она рассматривает идеал лишь для того, чтобы создать науку о нем (именно благодаря этому можно назвать ее позитивной, если только, будучи присоединенным к слову «наука», это прилагательное не образует плеоназма). Она не стремится его конструировать; как раз наоборот, она берет его как данность, как объект изучения, и пытается его анализировать и объяснить. В способности к идеалу она видит естественную способность, причины и условия которой она ищет с целью по возможности помочь людям отрегулировать ее функционирование. В конечном счете, задача социолога должна состоять в том, чтобы вернуть идеал во всех его формах в природу, но оставив ему при этом все его отличительные признаки. И если подобная попытка не кажется ему безнадежной, то это потому, что общество соответствует всем условиям, необходимым для объяснения указанных противоположных признаков. Оно также происходит от природы, одновременно доминируя над ней. Причина в том, что все силы вселенной не просто завершаются в обществе, но, более того, они синтезированы в нем таким образом, что порождают результат, который по богатству, сложности и мощи воздействия превосходит все, что послужило его образованию. Словом, оно есть природа, но достигшая наивысшей точки своего развития и концентрирующая всю свою энергию с тем, чтобы в каком-то смысле превзойти самое себя.